

31

Эта часть истории восходит к тому времени, когда я был самым несчастным в своей жизни: старшей школе.

Без преувеличения, у меня не было ни одного друга в старшей школе во второй раз.

Но дело не в том, что все мои одноклассники ненавидели меня. Проблема заключалась в моей идиотской гордости.

Вы, наверное, будете смеяться, но я думал, что друзья-это то, что просто стекается ко мне. Это не имело ничего общего с высокомерием или добротой, и я не думал, что мне придется говорить с ними в первую очередь.

Моя первая жизнь была там под дурным влиянием. Раньше я был вааай слишком популярен.

Конечно, даже будучи не самым острым инструментом в сарае, я в конце концов заметил, что да, я не завел бы друзей, не начав разговор.

И к тому времени, когда я это понял, у меня действительно оставалась половина шанса. Я мог бы сказать, что люди, которые болтаются в углу, если бы я просто подошел и поговорил с ними, с готовностью приняли бы меня как друга.

Но в конечном счете я этого не сделал. Почему? Старая добрая гордость, конечно.

Это самая глупая вещь, тут я с тобой соглашусь. Но я бы скорее умер, чем стал разговаривать с этими клоунами.

Я всегда считал себя красивым парнем. ...Ну, честно говоря, теперь я в этом ничуть не сомневаюсь.

Не важно пока, насколько это правда, это то, что я думаю, и это мне очень помогло.

Кроме того, если меня никто не любит, я должен любить самого себя, верно?

В любом случае, я думаю, что такой красивый парень, как я, начал разговор с этими дураками просто нечестно.

Естественно, с их точки зрения, я должен был казаться еще большим дураком.

32

Вы бы знали это, если бы прошли через это, но средняя школа без друзей-это откровенно ад.

Колледж, по сравнению с ним, это не такая уж большая проблема-быть совсем одному.

Часто говорят, что одиночество-это то, к чему вы привыкаете, а изоляция-это то, к чему вы не можете привыкнуть.

Такие вещи, как проводить отпуск в одиночестве, вы можете терпеть в течение нескольких дней без проблем, но когда вокруг вас есть люди, и вы единственный одиночка... ты не можешь просто так заглушить в себе это чувство.

Ну и как же я тогда выношу эту жалкую ситуацию? Еще одним совершенно неубедительным способом.

В классе была одна девочка, которая была так же изолирована, по имени Хиираги. У нее тоже не было друга по имени.

Она выглядела так, как будто всегда думала: "я больше не надеюсь ни на что из этого мира", - неохотно проталкиваясь через старшую школу. Это была Хиираги.

Я бы сказал, что она была невысокого роста, с глазами, которые легко болели. Она всегда смотрела вниз, а когда ей приходилось смотреть людям прямо в глаза, она буквально впивалась в них взглядом.

И своим слабым, неуверенным голосом она часто говорила запинаясь. -Я, э-э, думаю, что это нормально. ...Н-нет, этого не будет... проблема."

Казалось, она старательно подбирала самые обычные, не вызывающие возражений слова, но это заставляло людей смотреть на нее как на помеху.

Сам я говорил напрямик, чтобы мне не пришлось так много болтать. На первый взгляд мы были полярными противоположностями в этом смысле, но это происходило от одних и тех же корней.

Хиираги ходила в ту же среднюю школу, что и я, и точно так же, как и я, она тогда была не совсем одна. При переходе в среднюю школу она следовала той же схеме-разлука с друзьями.

Когда меня игнорировали в классе, я чувствовал это очень сильно. И вот тогда-то я и посмотрел на Хиираги.

Хиираги, моя единственная компания. Видеть ее одну в углу класса было для меня огромным утешением. По крайней мере, я не один такой, думал я, и это было таким облегчением.

Нет, это не совсем так. Если вы хотите знать правду, то именно благодаря присутствию Хиираги я убедил себя, что не был на самом дне в классе.

"У меня все очень плохо, но все же лучше, чем у нее", - подумал я, чтобы сохранить равновесие. Что за прискорбный поступок!

Однако... Это могло быть просто мое собственное обманчивое впечатление, но я думаю, что она делала то же самое со мной.

В ситуациях, которые заставляли нас более четко осознавать нашу изоляцию, таких как занятия и подготовка к мероприятиям, мы с Хиираги случайно встречались глазами.

Без сомнения, Хиираги смотрел на меня как на единственного человека, стоящего еще ниже ее.

Или, по крайней мере, я был уверен, что когда она смотрела на меня, ее успокаивала мысль: "Ах, он тоже изолирован."

Так что в этом смысле я мог бы осмелиться сказать, что мы "поладили".- В очень извращенном понимании этого слова. Мы были козлами отпущения друг для друга.

Я смотрел на нее сверху вниз, думая: "она в таком же месте, но как женщина, ей должно быть хуже"; она смотрела на меня сверху вниз, думая: "он в таком же месте, но я все еще лучше в академических кругах"... такова была ситуация.

Может быть, это говорит моя мания преследования, но вы бы поняли, только взглянув на эти глаза. Это были осуждающие глаза. Я бы знал, потому что у меня все то же самое.

В мой первый год, когда я еще не привык к одиночеству, я бегал на обед в библиотеку, чтобы тратить время на учебу.

И вообще, Хиираги тоже часто так делала. Мы часто приходили туда навестить друг друга. Не то чтобы мы разговаривали или даже приветствовали друг друга, но мы признавали существование друг друга.

Раз в несколько месяцев меня охватывала ужасная депрессия, после которой я отправлялся в лазарет (хотя и не был физически болен) и пропускал дневные занятия.

Ну, примерно в трети случаев, когда я это делал, Хиираги была там в то же самое время. Это было неловко - казалось, что мы решили пропустить урок вместе.

Но было много совпадений между классами, от которых каждый из нас хотел отдохнуть, так что это было вполне разумно.

Кроме того, мои отношения с Хиираги стали ближе на втором курсе.

Наш классный руководитель договорился о перемене мест, и ученики могли выбирать: либо тянуть жребий, либо выбирать сами.

Однако тем, кто свободно выбирал себе места, было запрещено сидеть в самом заднем ряду.

Естественно, что люди, которые оказались в заднем ряду, были людьми, которым на самом деле было все равно, где они сидят. А для людей без друзей подойдет любое место в углу.

Поэтому мы с Хиираги всегда сидели вместе. Это могло быть почти десять раз, если сложить второй и третий год.

Люди стали воспринимать нас как пару, и я бессердечно подумал: "Ого, не надо меня с ней сажать."

Хотя я бы сказал, что, сидя рядом с ней, я чувствовал себя непринужденно.

Например, на уроках классической литературы или английского языка вам часто приходится читать вместе с партнером, не так ли?

Обычно это было мучительно для меня, но когда Хиираги была моим партнером, я не так сильно нервничал.

Когда я работал в паре с другими людьми, я беспокоился о том, что мой голос скрипел, или мое отношение было слишком грубым, или если они были расстроены из-за того, что они были в паре со мной, и все это ерунда.

Но с Хиираги я мог просто думать: "Боже, она такая нелюдимая" - говорить о кастрюле, называя чайник черным.

В основе всего, что нас успокаивает, лежит чувство уверенности, ощущение того, что оно "не причинит мне вреда."

В этом смысле Хиираги успокаивала меня, как никто другой.

33

Когда речь заходит об этих вещах, вы можете подумать, что я какой-то придурок, который слишком стесняется своих предположений.

И я говорю это с полным признанием этого: я верю, что мы с Хиираги жили, опираясь на плечи друг друга.

К третьему году обучения, хотя мы и не слишком старались это показать, мы начали выбирать одни и те же комитеты и обязанности.

Даже когда наши места поменялись, мы старались сидеть как можно ближе. Существовало негласное соглашение, что в трудные времена мы будем "использовать" друг друга.

"Тебе вовсе не обязательно дружить со мной, но, пожалуйста, будь рядом, когда мне кто-то понадобится", - что-то в этом роде. Да, но я слишком романтизирую его...

Это, наверное, ближе к "Эй, ты ведь тоже одиночка, верно? Как собратья по несчастью, я полагаю, мы должны составить им компанию."

"Ну, по крайней мере, этот человек не бросит меня и не сбежит" - в наших отношениях было такое извращенное доверие.

В конце концов мы развились - не в привязанности, конечно, а в глубокой симпатии друг к другу, как мне кажется.

Если бы мы этого не сделали, то, конечно же, не остались бы вместе, чтобы не остаться совсем одни.

И изоляция была не единственным общим местом между Хиираги и мной. Даже качество нашей изоляции имело сходство.

...Я думаю, что причина, по которой мы не могли привыкнуть к классу, заключалась в том, что у нас обоих были мысли о "Где-то, чего здесь не было."

Мне пришло в голову, что где-то есть "место гораздо лучше, чем здесь", и это стало огромной помехой, так как мы застряли "здесь."

Я постоянно думал о счастливых днях моей первой жизни. Таким образом, мой взгляд на мир был более тусклым, чем обычно, и у меня было мало привязанности к "здесь и сейчас".

И я подумал, что Хиираги, возможно, думает о чем-то подобном-иначе почему она так изолирована?

Я уверен, что люди, которые видели ее улыбку, были довольно редки, но я был одним из немногих. Через три с половиной года мы смогли быть немного откровенны друг с другом.

И вот только однажды, случайно, я смог засвидетельствовать ее улыбку.

Какая жалость, подумал я. Если бы она все время так улыбалась, ей было бы несложно стать центром внимания в классе.

Вот какое обаяние было в ее улыбке. Когда я впервые увидел его, не шутя, я был потрясен. Все такие: "погоди, ты такой милый?!- ну, ты же знаешь.

<http://tl.rulate.ru/book/20260/823189>